

Посвящается Мол

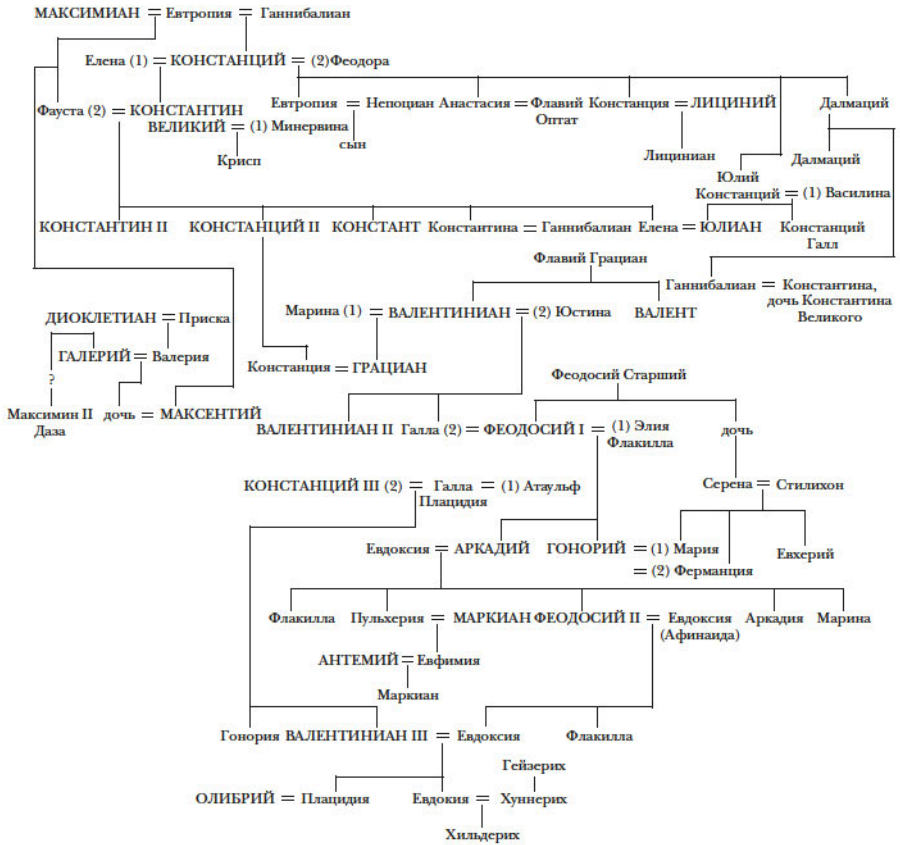
Содержание

<i>Карты и генеалогические древа</i>	9
<i>Предисловие</i>	35
<i>Пролог</i>	38
I. ПЕРВЫЕ СТОЛЕТИЯ	45
1. Константин Великий (до 337)	47
2. Юлиан Отступник (337–363)	74
3. Империя в тупике (363–395)	88
4. Падение Запада (395–493)	99
5. Возвышение Юстиниана (493–540).....	133
6. Юстиниан: последние годы (540–565)	161
7. Первый крестоносец (565–641)	179
8. Род Ираклия (641–711)	200
9. Иконоборчество (711–802)	218
II. АПОГЕЙ	239
10. Возвращение икон (802–856).....	241
11. Патриархи и заговоры (857–867).....	272

12. Василий I Македонянин и Лев VI Мудрый (867–912)	289
13. Мягкий узурпатор (912–944)	309
14. Ученый император (945–963)	331
15. Повесть о двух полководцах (963–976)	343
16. Василий II Болгаробойца (976–1025)	372
17. Начало упадка (1025–1055)	391
18. Манцикерт (1055–1081)	415
III. ЗАКАТ И ПАДЕНИЕ	437
19. Алексей Комнин (1081–1118)	439
20. Иоанн Прекрасный (1118–1143)	470
21. Мануил Комнин (1143–1180)	482
22. Четвертый крестовый поход (1180–1205)	509
23. Изгнание и возвращение (1205–1261)	536
24. Анжуйская угроза (1261–1282)	554
25. Два Андроника (1282–1341)	575
26. Император поневоле (1341–1354)	592
27. Вассал султана (1354–1391)	604
28. Воззвание к Европе (1391–1448)	616
29. Крушение империи (1448–1453)	637
<i>Эпilog</i>	652
<i>Приложение</i>	656
<i>Библиография</i>	668
<i>Фотоматериалы</i>	685

*Карты
и генеалогические древа*

Семьи Диоклетиана, Константина Великого, Валентиниана и Феодосия

Предисловие

Византийская империя просуществовала 1123 года и 18 дней — с основания Константином Великим в понедельник 11 мая 330 года и до завоевания османским султаном Мехмедом II во вторник 29 мая 1453 года. Этот период гораздо дольше времени, отделяющего нас от норманнского завоевания Англии в 1066 году. Он должен казаться долгим всем, кроме астрономов и геологов; и если кто-то сочтет меня безрассудным за попытку осветить его в одной книге, то я могу лишь сказать, что согласен с таким мнением. Когда больше десяти лет назад я начал писать историю Византии, у меня не было подобных мыслей; я, как всегда, только следовал совету Червоного Короля из «Алисы в Стране чудес»: «Начинай сначала и продолжай до тех пор, пока не дойдёшь до конца: тогда и остановись!»¹ Результатом той работы стали три тома, опубликованные с 1988 по 1995 год и насчитывавшие в общей сложности около 1200 страниц — в среднем по одной странице на каждый год исто-

¹ Пер. А. Оленича-Гнененко. — *Здесь и далее, если не указано иное, прим. перев.*

рии Византии (ради ясности и точности следует отметить, что в книге я должен был рассказать о событиях, предшествовавших возникновению империи, а также о том, что произошло через несколько лет после ее падения).

Первый из этих томов описывал историю империи от ее основания до образования западной соперницы — Священной Римской империи, включая коронацию Карла Великого в Риме на Рождество 800 года. Во втором томе рассказывалось об успехах Византии на протяжении правления ослепительной Македонской династии до апогея ее мощи под властью Василия II Болгаробойцы, однако заканчивался том на дурном предзнаменовании — первом из трех великих поражений в византийской истории, которое империя потерпела от турок-сельджуков в битве при Манцикерте в 1071 году. Третий и последний том описывал, каким судьбоносным оказалось это поражение. Оно лишило Византию большей части Малой Азии — главного источника ее людских ресурсов, ослабило ее и довело до такой степени обнищания, что через сто с небольшим лет она оказалась не в силах противостоять стремительной атаке участников Четвертого крестового похода (до абсурда нелепое название!)¹. Это бесстыдство и последовавшие за ним 56 лет латинского правления оказались вторым ударом, от которого империя так и не оправилась. История последних двух веков существования Византии, оказавшейся в тени на фоне расцвета династии Османской империи в Малой Азии, наполнена пессимизмом, и лишь последняя глава, при всем ее трагизме, вновь поднимает дух — как неизбежно должны заканчиваться все рассказы о героизме.

¹ Автор имеет в виду, что крестоносцы, поклявшиеся вернуть христианскому миру Святую землю, повели себя фактически как алчные и жестокие наемники, отправившиеся за богатой добычей.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Однако в наши дни 1200 страниц — слишком много для большинства читателей. Мне подсказали, что многие люди, которых отпугнет мысль о целой трилогии, с радостью воспримут ту же историю, сжатую до размеров одного тома. В результате появилась книга, которую вы держите в руках. Сокращение изначальной истории на две трети стало долгой и трудной задачей, которая часто казалась мне настоящим детоубийством. В процессе работы мне пришлось пожертвовать многими историческими анекдотами, отступлениями и описаниями, не говоря уж о довольно большом количестве удачных шуток, однако этот сокращенный текст может больше оригинала претендовать на лаконичность. Если ему удастся пробудить у читателей интерес, а еще лучше воодушевление по отношению к странному, диковинному, но бесконечно увлекательному миру Византии, то он вполне стоил затраченных на него усилий.

Я воспринимаю себя человеком, скользящим на коньках по поверхности. Готовя сокращенное издание, я словно сменил коньки на корабль на воздушной подушке. Впрочем, могу заверить читателей: и в этой книге история Византии рассказана полностью. Ни одно из событий первостепенной важности не упущено. Если же темп повествования порой будет казаться несколько головокружительным, а факты слишком многочисленными и быстро сменяющимися друг друга — что ж, в таком случае вы можете обратить внимание на трилогию.

*Джон Джуллиус Норвич
Касл-Ком, октябрь 1996 года*

Пролог

Общепринятый вердикт, который история вынесла Византийской империи, гласит, что она — без всяких исключений — представляет собой самую что ни на есть низменную и презренную форму, которую когда-либо принимала цивилизация... Не было ни одной другой долговечной цивилизации, которая была бы настолько лишена любых форм и элементов величия... Ее пороки были пороками людей, которые утратили мужество, не научившись добродетели... Рабы, и притом добровольные рабы — и в своих мыслях, и в своих поступках, — они были погружены в чувственные удовольствия и самые легкомысленные развлечения; эти люди пробуждались от безразличия только тогда, когда какой-нибудь тонкий богословский вопрос или проявленная в гонке колесниц отвага побуждали их к безумным мятежам... История империи — монотонный рассказ об интригах священников, евнухов и женщин, об отравлениях и заговорах, о неизменной неблагодарности и вечных братоубийствах.

Этот поразительный обличающий отрывок взят из книги У. Э. Г. Лекки¹ «История нравственности в Европе от Августа до Карла Великого», опубликованной в 1869 году. Хотя на современного читателя он, возможно, не производит задуманного автором впечатления (его последнее предложение звучит вовсе не монотонно, а весьма увлекательно), факт остается фактом: на протяжении более двухсот лет государство, некогда известное как поздняя Римская империя, имело ужасную репутацию. Похоже, долгая кампания по дискредитации этого периода началась в XVIII веке с подачи автора труда «История упадка и разрушения Римской империи» Эдуарда Гиббона, который, как и все его современники, получившие классическое английское образование, рассматривал Византию как предательство всего лучшего, что было в Древней Греции и Риме. Лишь после Второй мировой войны, когда ставшие более легкими, быстрыми и относительно комфортными путешествия по Леванту сделали памятники византийской истории общедоступными, Византия вновь начала обретать лицо и была признана пусть и совсем иной, но достойной преемницей двух предыдущих могучих цивилизаций. Для большинства из нас проблема состояла в том, что мы знали о ней очень мало. Прежние представления оказались весьма живучи. Я провел пять лет в одной из старейших и лучших частных школ Англии, и все это время Византия словно была жертвой заговора молчания. Я и в самом деле не могу вспомнить, чтобы о ней упоминали, а уж тем более изучали ее; и мое неве-

¹ Уильям Эдуард Гартполь Лекки (1838–1903) — ирландский историк и эссеист. Цитируемая книга в русском двухтомном переводе вышла в 1872 г., но по цензурным соображениям были уничтожены 1965 экземпляров из двухтысячного тиража; таким образом, это огромная библиографическая редкость.

жество в этой области было столь полным, что мне было бы трудно описать ее даже в общих словах — пока я не поступил в Оксфорд. Подозреваю, что многие люди сегодня имеют о Византии такое же смутное представление; для них и написана эта книга.

Идея этой книги возникла много лет назад, причем даже не у меня, а у моего друга Боба Готтлиба, который некоторое время спустя покинул моих американских издателей, став редактором журнала *New Yorker*. Меня немного пугала масштабность стоящей передо мной задачи, однако я приступил к ней без особых колебаний. К тому времени я уже больше двадцати пяти лет был увлечен миром Византии, а годы службы в Министерстве иностранных дел Великобритании, в том числе два с половиной года в Белграде и три в Бейруте (тогда это было одно из самых прелестных в мире мест для жизни), лишь углубили мою привязанность к Восточному Средиземноморью и всему, что оно собой воплощало. Не случайно, когда я наконец ушел с государственной службы в 1964 году, чтобы попытаться жить писательским трудом, я выбрал для первой книги место, от которого больше всех прочих до сих пор веет духом Византии, — гору Афон.

После этого я провел несколько счастливых лет, описывая Венецию, которая сначала была византийской провинцией, а затем боковой ветвью империи. Византийские мозаики, достойные встать в один ряд с константинопольскими, можно найти и в соборе Сан-Марко (который, кстати, спроектирован по образу храма Святых Апостолов в Константинополе), и в соборе Успения Девы Марии на острове Торчелло. Однако насколько разительно отличались друг от друга эти два города! Венеция, на протяжении всей своей истории защищенная неподвижными и неглубокими водами лагуны, излучала уверенность; она до самого конца оставалась неприкосновенной и знала об этом.

Константинополь почти все время жил под угрозой нападения; лишь героизм императора и его подданных спасал город вновь и вновь. Жители этих городов тоже были весьма не похожи друг на друга: венецианцы — безжалостные и ориентированные на коммерцию циники, византийцы — мистики, для которых Христос, его Мать и Святые были столь же реальны, как члены их семей. И наконец, самое главное: Венецией управляли безликие комитеты, избранные группы одетых в черное мужчин; они работали втайне от других, их состав постоянно менялся, решения они принимали коллективно, избегая всякой индивидуальной известности. Византия же была автократией, которой управлял полубожественный император, равный апостолам земной правитель от имени Господа, державший в руках жизнь всех до единого подданных. Одни императоры были героями, другие — чудовищами; но они никогда не были безликими или скучными.

По одной этой причине я писал свою книгу с неизменным удовольствием; однако в некотором роде она представляет собой и скромную дань уважения. Наша цивилизация никогда в достаточной мере не признавала своего долга перед Византией. Если бы не этот восточный оплот христианского мира, какие шансы были бы у Европы выстоять против армий персидского царя¹ в VII веке или войска багдадского калифа в VIII? На каком языке мы бы говорили сегодня и какому богу поклонялись бы? Велик и наш культурный долг перед Византией. После вторжений варваров и падения императора в Риме свет знаний в Западной Европе почти угас, если не считать нескольких слабо мерцающих огоньков в монастырях; именно на берегах Босфора этот огонь продолжал ярко светить, именно там сохранилось классическое наследие. Многое из того,

¹ Правитель державы Сасанидов. — *Прим. науч. ред.*

что нам известно об Античности, в особенности о греческой и римской литературе и о римском праве, было бы навеки утрачено, если бы не ученые, книжники и переписчики из Константинополя.

Однако вся эта огромная работа давным-давно забыта или воспринимается как нечто само собой разумеющееся. В наше время нам осталось лишь одно неизменное напоминание о гениальности византийцев — великолепие их искусства. Никогда за всю историю христианства (да, пожалуй, и любой другой мировой религии) ни одной художественной школе не удавалось привести столь глубокую степень духовности в свою работу. Византийские богословы настаивали на том, что религиозные художники и мозаичисты должны стараться отразить в своих произведениях образ Господа. Это было серьезное требование, но в византийских церквях и монастырях мы видим, что оно вновь и вновь блестяще выполнялось.

И наконец, эта книга не претендует на научность. Ознакомившись с ней, любой специалист по Византии найдет на ее страницах мало такого, чего он уже не знает, хотя вполне возможно, он не согласится со многими изложенными в ней мнениями и утверждениями. Пусть так. Четыре года изучения древнегреческого, которые стали значительной частью уже упомянутого мной образования в частной школе, не помогли мне читать даже самые простые тексты на этом языке без словаря под рукой; следовательно, мне пришлось почти целиком полагаться на те первоисточники, которые существуют в переводе или кратком пересказе. Однако это оказалось не таким серьезным препятствием, как я ожидал: вторичные источники настолько богаты, особенно в отношении более поздних веков, что трудность состояла не столько в получении информации, сколько в ее отборе. Поскольку действие в повествовании должно продолжаться любой ценой, я не

ПРОЛОГ

претендую на что-то большее, чем просто скольжение по поверхности темы, — а само это слово уже отрицает ученость.

Однако я в этом не раскаиваюсь. Я никогда не предполагал, что пролью на Византию новый свет. Все, что я попытался сделать, — это хоть немного компенсировать тот заговор молчания, который многих из нас оставил без всяких познаний о самой длительно существовавшей и, вероятно, самой священной христианской империи в истории нашего мира, а в процессе рассказать вам хорошую историю — настолько интересно и точно, насколько это в моих силах. Я не надеюсь, что читатель отложит прочитанную книгу с тем же сожалением, с которым я завершил выполнение этой трудной, но очень приятной задачи; но я полагаю, что он, по крайней мере, согласится со мной в том, что эту историю стоило рассказать.

I

Первые столетия

1

Константин Великий

(до 337)

Вначале было слово — несомненно, одно из самых волшебных и звучных географических названий в истории. Даже если бы Византийская империя никогда не существовала, Византий непременно оставил бы след в наших умах и воспоминаниях одной только музыкальностью своего названия, которое вызывало бы те же образы, что и сегодня: золото, малахит и порфир, величественные и торжественные церемонии, усыпанная рубинами и изумрудами парча, роскошные мозаики, тускло мерцающие в окуренных ладаном залах.

Затем было место — и оно тоже было превосходным. Находясь у самого порога Азии и занимая самую восточную оконечность широкого треугольного мыса, южную часть которого омывало Мраморное море, а северо-восточную — узкий, глубокий и судоходный морской пролив примерно пяти миль (8 км) в длину, известный со времен глубокой Античности как Золотой Рог, Византий самой природой был превращен в великолепную гавань и неприступную цитадель, которая нуждалась в серьезных укреплениях лишь с обращенной к суше стороны. Даже нападение

с моря было довольно трудно осуществить, поскольку само Мраморное море защищено двумя длинными и узкими проливами: Босфором с востока и Геллеспонтом (или Дарданеллами) с запада.

И наконец, человек — римский император Константин I. Ни один правитель в истории настолько полно не заслуживал прозвания «Великий», поскольку за короткий промежуток времени примерно 15 лет он принял два решения, каждое из которых изменило будущее цивилизованного мира. Первым было принятие христианства в качестве официальной религии Римской империи. Вторым стал перенос столицы из Рима в новый город, который он построил на месте города Византий и который на протяжении последующих шестнадцати веков назывался его именем — Константинополь. Оба этих решения и их последствия дали монарху серьезное право считаться самым влиятельным человеком в истории после Иисуса Христа, Будды и пророка Мухаммеда. С него и начинается наша история.

Константин родился около 274 года н. э. Его отец Констанций I, прозванный Хлором, что означает «бледный», был одним из самых блестящих и успешных военачальников империи; мать, Елена, была дочерью простого трактирщика из Вифинии. Некоторые историки считают, что в заведении отца она служила одним из дополнительных удовольствий, регулярно предоставляемых посетителям за небольшую дополнительную плату. Лишь позднее, когда ее сын добился верховной власти, она стала самой почитаемой женщиной империи; и лишь в возрасте за семьдесят эта истово верующая обращенная христианка совершила паломничество в Святую землю, где чудесным образом извлекла из земли Животворящий Крест и была провозглашена святой.

В 293 году император Диоклетиан решил разделить императорскую власть на четыре части, оставив себе восток,

а остальные три области доверив старинному товарищу по оружию Максимиану, суровому и жестокому профессиональному солдату из Фракии по имени Галерий и Констанцию Хлору. Даже в то время недостатки подобного распределения власти должны были казаться очевидными. Как бы ни подчеркивал Диоклетиан, что империя по-прежнему остается единой и неделимой, рано или поздно произошел бы неизбежный раскол. В течение нескольких лет все шло довольно гладко; эти годы юный Константин провел при дворе Диоклетиана. Однако в 305 году произошло событие, равных которому не было в тогдашней Римской империи, — добровольное отречение императора от престола. Пробыв на троне двадцать лет, Диоклетиан удалился от мира, вынудив отречься от власти и Максимиана, который очень этому противился.

Галерия и Констанция Хлора, который к этому времени бросил Елену, чтобы жениться на приемной дочери Максимиана Феодоре, провозгласили августами (верховными императорами), однако назначение их преемников, двух новых цезарей, было поставлено под сомнение. Константин, которого обошли вниманием, опасаясь за свою жизнь, ночью покинул двор Галерия в Никомедии и бежал в Булонь к отцу, где тот готовился к новому походу в Британию. Отец и сын вместе пересекли Ла-Манш, однако вскоре, 25 июля 306 года, Констанций умер в Йорке; местные легионеры тут же набросили на плечи Константина пурпурную императорскую тогу, подняли его на щиты и провозгласили императором.

Нуждаясь в официальном признании, Константин послал Галерию в Никомедию уведомление о смерти своего отца, а вместе с ним свой портрет, на котором он был изображен со знаками отличия августа Запада. Однако Галерий наотрез отказался признавать августом юного мятежника — ведь именно таковым, несомненно, был Кон-

стантин. Галерий был готов, хоть и с неохотой, признать его цезарем, но не более того. Для Константина этого пока было достаточно. Он оставался в Галлии и Британии в течение последующих шести лет и в целом правил этими двумя провинциями хорошо и мудро. Однако его высокая нравственность в сфере государственного управления не помешала ему в 307 году оставить первую жену ради заключения гораздо более высокого союза с Фаустой, дочерью бывшего императора Максимиана. Максимиан к тому времени объявил недействительным свое отречение двухлетней давности, снова оделся в пурпур и объединился со своим сыном Максенцием, вместе с которым склонил на свою сторону всю Италию. Таким образом, этот брак был дипломатически выгодным для обеих сторон: для Максимиана и Максенция он означал, что они, вероятно, смогут рассчитывать на союз с Константином, а тот, в свою очередь, теперь мог похвастаться родством не с одним, а с двумя императорами.

Трудно сказать, как долго Константин довольствовался бы управлением этим довольно отдаленным уголком империи. В апреле 311 года Галерий, верховный август, умер близ города Сирмий на реке Сава. После его смерти три человека должны были разделить между собой верховную власть: Лициний, один из давних собутыльников покойного императора, который теперь правил Иллирией, Фракией и Дунайскими провинциями; его племянник Максимин Даза, которого он назначил цезарем в 305 году и который получил власть над восточной частью империи; и сам Константин. Однако существовал четвертый человек, который формально не обладал императорским рангом, но давно считал себя несправедливо лишенным законного трона, — зять Галерия Максенций. Будучи сыном императора Максимиана, Максенций давно ненавидел

блестящего молодого мужа своей сестры. Теперь он стал таким же сильным, как любой из трех его соперников, — настолько сильным, чтобы воспользоваться смертью отца как предлогом и заклеить Константина убийцей и мятежником. Война, очевидно, была неизбежна, однако прежде, чем выступить против врага, Константину нужно было договориться с Лицинием. На его счастье, Лициний, полностью занятый Максимином Дазой на востоке, был только рад предоставить Константину завоевывать Италию от своего имени. Это соглашение скрепила еще одна помолвка — на этот раз между Лицинием и Констанцией, сводной сестрой Константина.

На всем протяжении длительного наступления Константина Максенций оставался в Риме. Лишь когда войско его зятя подошло к городу, он выступил ему навстречу. Две армии встретились 28 октября 312 года при Саксарубра — «красных скалах» на Фламиниевой дороге примерно в 7–8 милях (11,2–12,8 км) к северо-востоку от Рима. Именно там, согласно легенде, перед самой битвой или даже во время боя Константину было его знаменитое видение. Вот как описывает его греческий историк Евсевий Кесарийский:

Чудеснейший знак был подан ему с небес... Он сказал, что около полудня, когда солнце стало клониться к западу, он своими глазами увидел в небе, выше солнца, символ успеха в виде светящегося креста, на котором было начертано «Сим победишь» (*In Hoc Signe Vinces*). Видение потрясло и его самого, и всю армию.

Вдохновившись столь очевидным знаком божественного расположения, Константин начал наступление на армию Максенция, заставив ее двигаться на юг, к Мульвию мосту через Тибр. Рядом с этим мостом Максен-

ций построил второй, понтонный, по которому при необходимости можно было организованно отступить и который можно было разрушить посередине, чтобы остановить преследователей. На этот мост теперь в панике и бросилась его разбитая армия, солдаты которой бежали со всех ног. Они могли бы спастись, если бы инженеры не потеряли голову и не вынули крепления моста слишком рано. Мост рухнул, и сотни людей оказались в реке с быстрым течением. Те, кто еще не успел переправиться, без оглядки бросились к старому каменному мосту, который оставался их единственным шансом на спасение, однако, как было известно Максенцию, мост был слишком узким. Многие погибли в давке, некоторые падали и гибли под ногами, прочих свои же товарищи бросали с моста в реку. В числе последних оказался и сам узурпатор, чье тело позже обнаружили выброшенным на берег.

Битва у Мульвиева моста сделала Константина полновластным хозяином всей Европы. Она стала определенной вехой и в его пути к христианству: пусть тогда он и не обратился в эту религию, но по крайней мере показал себя защитником и покровителем своих подданных-христиан. Покидая Рим, Константин подарил папе Мильтиаду Латеранский дворец, который занимала императрица Фауста, присоединившаяся к нему вскоре после его вступления в Рим. Это место оставалось папской резиденцией на протяжении тысячи лет. Рядом с дворцом Константин приказал построить за свой счет первую в Риме византийскую базилику — собор Святого Иоанна Крестителя на Латеранском холме, который до сих пор служит соборным храмом. Рядом с базиликой заложили огромный, отдельно стоящий баптистерий, поскольку в последующие годы ожидался серьезный прирост числа обращенных.